

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАТИРОВКА ДРЕВНЕЙШЕГО ЯДРА НАРТСКОГО ЭПОСА ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.²

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российской Федерации

² Институт востоковедения Российской Академии наук

107031, ул. Рождественка, д. 12, Российской Федерации

Аннотация

Цель. Статья посвящена происхождению, датировке первоначального ядра Нартского эпоса и новой трактовке эпоса как исторического источника в связи с возможной индоарийской и древнеевропейской атрибуцией культур раннего бронзового века в западной и центральной частях Северного Кавказа.

Процедура и методы. Комплексный анализ данных археологии и лингвистики.

Результаты. Предлагается гипотеза датировки первоначального ядра Нартского эпоса. По мнению авторов, эпические сказания, составившие впоследствии ядро сказаний о Нартах, были созданы в Центральной Европе в III тыс. до н. э. в условиях распада индоевропейской общности. Показано параллельное развитие двух версий Нартского эпоса на Северном Кавказе – адыгейской, восходящей к легендам, циркулировавшим в индоарийской среде, и осетинской, связанной с древнеевропейским эпосом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлен комплексный подход, основанный на сопоставлении данных мифологии, языкоznания и археологии для решения проблем, связанных с происхождением, датировкой нартских саг.

Ключевые слова: древнеевропейская общность, греко-арийско-фригийская общность, индоевропейские миграции, бронзовый век Северного Кавказа, Нартский эпос

THE ORIGIN AND DATING OF THE INITIAL CORE OF THE NART SAGAS ACCORDING TO LINGUISTICS AND ARCHEOLOGY

N. Nikolaeva¹, A. Safronov^{1,2}

¹Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. The article is devoted to the origin, dating of the initial core of the Nart sagas and a new interpretation of the epos as a historical source in connection with possible Indo-Aryan and ancient

© CC BY Николаева Н. А., Сафронов А. В., 2024.

European attribution of the Early Bronze Age cultures in the western and central parts of the North Caucasus.

Methodology. Comprehensive analysis based on archaeological and linguistic data.

Results. The hypothesis of the dating for the initial core of the Nart sagas is proposed. According to the authors, the epic tales that later formed the core of the Nart sagas had been created in Central Europe in the 3rd millennium BC in the environment of dissolving Indo-European community. The article shows the parallel development of two versions of the Nart sagas in the North Caucasus – the Adyge version, going back to the legends circulating in the Indo-Aryan environment, and the Ossetian version which is connected with the Old European epic.

Research implications. The integrated approach based on correlating data of mythology, linguistics and archeology for solving problems connected with the origin and dating of the Nart sagas.

Keywords: Ancient European community, Greco-Aryan-Phrygian community, migrations of Indo-Europeans, Bronze Age of the North Caucasus, the Nart sagas

Введение

Нартский эпос – духовное наследие разноязычных народов Кавказа – сохранился в устной форме до середины XIX в., когда сказания о богоравных героях-богатырях Нартах стали собирать и записывать [1, с. 22]. Публикация отдельных сказаний¹ и научный анализ эпоса были представлены общественности в 80-х гг. XIX в. [3; 4; 15].

Основоположники нартovedения нашли яркие параллели сюжетам эпоса в скифо-сарматской мифологии, а также в мифологии ряда народов Западной Европы, что позволило обозначить примерные даты формирования Нартского эпоса скифо-сарматским и аланским периодами [2; 4; 15]. Однако сходство ряда характерных черт кавказского эпоса с европейскими сказаниями, восходящими к глубокой древности, осталось недооценённым и не получило развития, за исключением единственного замечания Ж. Дюмезиля, что эпос, возможно, восходит к глубокой древности, к праиндоевропейской эпохе² [9, с. 126].

В Нартском эпосе выделяется более древняя часть и поздние наслоения

различных эпох, поэтому одной даты для всего эпоса не существует. В данной статье мы затронем проблему датировки древнейшей части эпоса. Однако нет единого мнения, что считать древнейшими сказаниями эпоса. Например, сюжеты одного цикла, связанные с Сосланом-Созырыко, относят к разным эпохам: общеиндоевропейской, скифской и гото-аланской [1, с. 102, сн. 45; 7; 9; 18], тем самым подрывая идею о реальном существовании начального ядра эпоса. Древнейшей частью (или начальным ядром) Нартского эпоса исследователи считают сюжеты, находящие аналогии в письменных источниках скифо-сарматской эпохи [4]. Археологи датируют начальный этап сложения ещё раньше – временем кобанской культуры [4; 11; 12; 13], указывая, что ареал археологических культур, родственных кобанской, охватывает территории, где бытовали сказания Нартского эпоса (территория современной Абхазии, Северной и Южной Осетии).

Факт выявления европейских параллелей противоречит существующей точке зрения о «кавказской этнической почве» для возникновения сказаний о Нартах [1; 2; 4; 15]. Ж. Дюмезиль, хотя и набросал несколько схем, которые могли бы объяснить европейские параллели в Нартском эпосе, тем не менее заявил, что относительно природы подобных

¹ Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М.: Нальчик, 1969. 168 с.

² Следует подчеркнуть, что в последнее время исследователи возвращаются к мысли Вс. Ф. Миллера об индоирянской составляющей осетинской версии Нартского эпоса [12].

совпадений «мы не можем сделать правдоподобного заключения»¹ [9, с. 126]. В. И. Абаев², признавая правомерность европейских аналогий сюжетам Нартского эпоса, говорил о «кавказском субстрате» для осетинского этноса, и, таким образом, о кавказских корнях осетинской версии эпоса [2]. Одни специалисты считают, что внекавказское, «сармато-аланское происхождение не отрицает кавказского происхождения эпоса» [4, с. 3]. Другие рассматривают выявленные параллели заимствованиями аланами у населения Европы в период их пребывания там [1; 7; 18], что, на наш взгляд, фантастично, поскольку содержание заимствованных мотивов не отвечает характеристике эпохи Великого переселения народов.

Обращаясь к важному вопросу, считать ли Нартский эпос историческим источником [2; 3; 8; 12], исследователи ищут в его текстах отражение реальных исторических событий или деятелей³. Поиски пока не оправдывают ожиданий, тем более что «историчность» или «историзм» исследователи определяют по-разному, но никто из них не принимает во внимание свидетельства более

древней истории⁴, реконструируемой на основе данных лингвистики и археологии [17; 18].

Две линии развития Нартского эпоса

Уже в первых публикациях сказаний о Нартах исследователи увидели параллели мотивам иранскому/скифскому эпосу (плащ Сослана и «полотенце» у скифов из скальпов врагов; чаша, указывающая на героя; набитый соломой конь Сослана и похоронный обряд скифских вождей; меч Батраза и «кумир Ареса» (Hdt. IV 62, 64, 72))⁵, на параллели в древнеиранском эпосе «Шах-Наме» и в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» [2, с. 56–69, 105–117; 8, с. 13–14, 64–71, 168 и сл.; 9, с. 70, 80, 98–99, 111–122; 12; 15]. В то же время уникальный сюжет о нетрадиционном рождении Батраза рассматривался как имеющий сходство с древнегреческим мифом о рождении Афины⁶. Сюжет об уязвимости колен Сослана, повлекшей его смерть⁷, напоминает древнегреческий миф об Ахиллесовой пяте⁸. Однако индийские, иранские и древнегреческие аналогии сюжетам Нартского эпоса до сих пор не нашли непротиворечивого исторического толкования, основанного на данных смежных наук – лингвистики, археологии.

Наряду с аналогиями из скифской мифологии Ж. Дюмезиль показал, что сюжет о Сослане и Сырдоне⁹ в эпосе о

¹ Ж. Дюмезиль, предложивший убедительные аналогии Нартскому эпосу из мифологии древних германцев и кельтов, указывал, что «Нартский эпос – северокавказский, т. е. адыгский или осетинский, а некоторые образы вышли из сармато-аланского и евро-иранского и в конечном счёте осетинского фонда» [7; 9, с. 31–35; 18]. Его идея поддерживается и современными исследователями [7; 18]. Однако есть другие мнения о кельто-индоиранских изогlossenях как явлениях индоевропейского прайзыкового состояния [20, с. 1149].

² Праирянские корни в осетинском языке [5; 6] свидетельствуют о более раннем, чем скифский, времени возможного первого вхождения иранских черт духовной и материальной культуры в т.н. «кавказский субстрат» осетинского этноса и языка, по Абаеву [1, с. 48, 52], а точнее в период восточных миграций индоевропейцев III тыс. Археологически праирянское состояние языка соответствует бытованию древнеямной культуры в Северном Причерноморье и Предкавказье во второй половине III тыс.

³ Такой подход известен из истории изучения русского былинного эпоса.

⁴ Существующее представление, что в эпосе отражаются ритуалы и структуры общества первобытности делает Нартский эпос скорее этнографическим источником, лишенным исторической основы. Действительно, так его и воспринимают некоторые исследователи, реконструируя быт и обычая средневекового общества на Кавказе на основании эпоса. Подобный подход поддерживался, например, В. И. Абаевым [2].

⁵ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 108–188.

⁶ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. 736 с.

⁷ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 499.

⁸ Там же С. 78–79.

⁹ Там же. С. 499–509.

Нартах имеет параллели с мифом о Бальдре и Локи¹ скандинавских сказаний [9, с. 119–125], а цикл о Батразе² связан с кельтским эпосом о Кухулине и средневековыми легендами о короле Артуре³ [8, с. 95]. Эти сюжеты составляют вторую группу аналогий для Нартского эпоса, атрибуция которой определяется обобщённо как *древнеевропейская*⁴ [8; 9, с. 65; 16, с. 182, 207] и которая существует с иранскими и индоарийскими аналогиями в эпосе на Северном Кавказе.

Общие мотивы в Нартском эпосе и русских сказках

Ценным дополнением к названным параллелям в мифологии народов Западной Европы является, по нашему мнению, такой источник, как русские волшебные сказки, представляющие собой следы несохранившегося героико-эпического источника восточных славян⁵. Из общих осетино-славянских мифологем можно упомянуть, например, сюжет о великане Мукаре как аналогии великану Святого-руту русских былин [9, с. 85–94].

Первый сюжет. В саду у Нартов росла яблоня, на которой созревало яблоко, дающее Нартам вечную молодость. В сад за яблоком повадилась летать птица с

¹ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 88–315.

² Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 201–301.

³ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 65.

⁴ Древнеевропейцы [1, с. 128, 129, сн.19-20] – это наименование для общности выделившихся с распадом праиндоевропейской общности (XXXV в. до н. э.) предков кельтов, германцев, илирийцев, италиков, балтов, славян, существовавших в III тыс. и проживающих в бассейне рек Балтийского моря.

⁵ ⁸ Как писал А. Н. Афанасьев, сохранивший для нас этот мир русской народной сказки: «Народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова – эпоса, который был хранилищем его верований и подвигов» [Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. 1597 с.]

золотым оперением. Два брата-близнеца Аксар и Аксартаг отправились сторожить сад и подстрелили птицу. По следу раненой птицы они доходят до моря, где живёт владыка вод Донбеттыр. Оказалось, что обличье птицы принимала его дочь. Один из братьев спускается в царство Донбеттыра и спасает умирающую девушку, отдав ей недостающие перья⁶. Сюжет о волшебной яблоне в саду Нартов и птице, похищающей «яблоки бессмертия», идентичен началу русской волшебной сказки о Жар-птице, похищающей молодильные яблоки из царского сада⁷.

Второй сюжет о превращениях в птицу дочери Донбеттыра по имени Дзерасса⁸ имеет хорошую аналогию в русской волшебной сказке о дочери морского царя, Василисе Премудрой, принимающей как обличье голубки, так и образ девы, помогающей герою преодолеть козни её отца, морского царя⁹. В «Нартском эпосе» эти 2 сюжета объединены в один.

Третий сюжет Нартского эпоса повествует о наказе Дзерассы своим сыновьям Урзмагу и Хамыцу сторожить её гробницу 3 дня, чтобы спасти её от мести обманутого ею небожителя Уастырджи. Хамыц ушёл на свадьбу, забыв об обещании. И тогда через какое-то время из гробницы Дзерассы услышали ржанье жерёбенка, тявканье щенка и плач ребёнка. Так родились Сатана, которая стала Хозяйкой Нартов¹⁰, волшебный конь и волшебный пёс.

Четвёртый сюжет связан с нартом Сосланом, который благодаря магии Сатаны настиг летающую башню, где находилась красавица из рода Аксартагата,

⁶ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 12.

⁷ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 292–303.

⁸ Там же.

⁹ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 112–120.

¹⁰ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 19.

выполнил брачное условие, поставленное ею, и женился на ней¹.

Третий и четвёртый сюжет объединены в русской сказке «Сивка-бурка»². В ней старик-отец поручает своим 3 сыновьям сторожить 3 дня его могилу. Только Иван, третий сын, выполняет наказ отца и получает в награду волшебного коня Сивку-бурку, на котором смог до-прыгнуть до высокой башни и получить в жёны царевну из этой башни.

Очевидно, что эти два, 3-й и 4-й, нартских сюжета и сказку сближают схожие мотивы о трёхдневной охране могилы, о задаче для брачных претендентов в виде недосягаемой башни, использование волшебства для выполнения задачи.

Пятый сюжет связан с женитьбой другого нарта, Хамыца, на одной из дочерей Донбеттыра, как и Дзерассе, морской богине, согласно одному варианту, или женщине из племени карликов, вынужденной скрываться в лягушачьей коже (другой вариант). Нарушение брачного условия (насмешки Сырдона) вынуждают её покинуть мужа³. Затем следует продолжение, образующее шестой сюжет.

В русской волшебной сказке «Царевна-лягушка»⁴ идея та же: царевна покидает своего мужа после того, как он сжёг её лягушачью кожу (поворот – нарушение условия брака).

Аналогичные условия при заключении брака между простым смертным и богинями можно увидеть в древнеиндийском мифе о браке небожительницы апсары Урваси с земным царём Пурувасом (Ригведа X 95).

Шестой сюжет – это развитие предыдущего. Жена Хамыца, морская богиня, перед своим исчезновением переносит зародыш Батраза на спину Хамыца.

¹ Там же. С. 96–100.

² Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 5–9.

³ Там же. С. 226.

⁴ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 201–205.

Через 9 месяцев рождается Батраз при помощи Сатаны⁵. Этот мотив нетрадиционного рождения фиксируется в древнегреческом⁶ мифе о рождении Афины Зевсом⁷.

Седьмой сюжет Нартского эпоса о волшебном войске, которое выходит или из чёрной скалы, или из морских глубин [9, с. 236–238], находит аналогию в Сказке о царе Салтане А. С. Пушкина, написанной со слов его няни-крестьянки. По сюжету волшебное воинство, охраняющее пределы земли князя Гвидона, «из вод чредой выходят ясных, и с ними дядька их Морской».

Приведённые параллели усиливают древнеевропейскую линию в развитии Нартского эпоса на Кавказе.

О сосуществовании древнеевропейского и индоарийского начал в формировании Нартского эпоса на Кавказе можно судить и по преданию о рождении Сослана из камня. Нарт Сослан является одновременно и двойником древнегерманского Бальдра, и двойником индоарийского Митры⁸, причём это соединение двух эпических персонажей в образе Сослана не является органичным, а, скорее, механическим слиянием двух мифологем из разных источников⁹. Это «чудесное рождение» повторяется как в адыгской, так и в осетинской версиях.

⁵ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 227.

⁶ Параллели из древнегреческой мифологии наряду с индоиранными объяснимы, поскольку греки, как и индиранцы, выделились из греко-арийско-фригийской общности, образовавшейся в 30–28 вв. до н. э. в Подунавье, а совместимость с древнеевропейскими аналогиями объясняются ареальными контактами двух общностей как в Европе, так и на Кавказе.

⁷ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. С. 75.

⁸ Ср. одинаковый сюжет о рождении Сослана и Митры [Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. 736 с.].

⁹ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. С. 154; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 499; Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

Сочетание древнеевропейских и иранских мифологем в Нартском эпосе может указывать на 2 синхронные линии сложения начального ядра Нартского эпоса¹, которые можно объяснить, датировать и локализовать, если обратиться к концепции о последней индоевропейской прародине в Центральной Европе [17, с. 93–105].

Индоевропейская атрибуция культур ранне- и среднебронзового века Северного Кавказа

На основании концепции В. А. Сафонова о локализации последней ИЕ прародины на Северных Балканах и в Подунавье (её археологические эквиваленты – культура воронковидных кубков² и культура Лендъел) [17, с. 93 сл.] была обоснована гипотеза о миграции древнеевропейцев на Кавказ [16, с. 207–213]. На Северном Кавказе ИЕ мигранты представлены двумя археологическими эквивалентами: с XXII в. до н. э. – культурой дольменов Новосвободной в Адыгее [16, с. 226–255; 17, с. 205 и сл.] и кубано-терской культурой на территории предгорной Кабардино-Балкарии и Северной Осетии [16]. Их древнеевропейская атрибуция установлена по 20 общим признакам с древнеевропейскими культурами Центральной Европы – КВК, КША и КШК [16, с. 182].

С распадом общности праиндоевропейцев на её месте сложилась новая общность – греко-арийско-фригийская

в Подунавье. Позднее по южнорусским степям на Кавказ ушли индоиранцы, а вслед за ними – древнеевропейцы. В ходе миграции (с запада на восток) пастухи-индоиранцы разделились на праиранцев и индоариев [10; 19] что фиксируется появлением их археологических эквивалентов в Северном Причерноморье (к востоку от Днепра) и в Предкавказье в виде древнеямной культуры (праиранцы) [17, с. 190 сл.] и кубано-днепровской культуры с повозками (индоарии) [17, с. 205–217], которые до ХХ в. до н. э. граничили и сосуществовали с культурой дольменов Новосвободной [16, с. 182; 17, с. 217 сл.]. Атрибуцию и траекторию движения в III тыс. от Венгрии и Болгарии до Прикубанья определяет индоарийская топонимика [10; 19].

Начало миграции индоиранцев и древнеевропейцев в Восточную Европу и Северный Кавказ определяется второй половиной III тыс. до н. э. [16]. Такой вывод основывается на данных археологии энеолита Европы [17, с. 192–202, с. 217 сл.; 22]. В Центральной Европе только один период (первая половина III тыс. до н. э.) характеризуется тесными контактами греко-индоириской (болераз-баденской) общности с древнеевропейцами (культурно-историческая общность: КША+КВК+КШК) [16; 17, с. 182 сл., 192 сл., с. 179 сл.; 22]. В этот период в Подунавье происходит переход к пастушеству [21], который ознаменовал начало далёких миграций индоевропейцев на восток. Вторая половина III тыс. – это начальный период контактов разных групп индоевропейцев [17; 22], вызвавших смешение древнеевропейских, индоарийских и праиранских³ мифологем в Нартском эпосе и определяющих дату сложения начального ядра эпоса.

¹ В. И. Абаев говорит о 2 или даже о 3 центрах сложения эпоса на Кавказе, но не приводит доказательств, кроме отличий версий эпоса между собой [1; 2].

² КВК – культура воронковидных кубков; КША – культура шаровидных амфор; КШК – культура шнуровых керамик. Древнеевропейские КША и КШК выделились из праиндоевропейской (ПИЕ) КВК и сосуществовали в период 28–22 вв. до н. э. на территории Германии и Польши [2]. Затем последовала их миграция в Восточную Европу и на Кавказ, где они известны как культура дольменов Новосвободной и кубано-терская культура (далее КТК) [16, с. 207–213].

³ Скифские мифологемы, рассматриваемые как аналогии нартским [Hrdt IV, 64, 65, 72] неправомерно датировать скифской эпохой, поскольку для скифов их возникновение – тоже глубокая мифологическая древность.

Адыгскую¹ версию Нартского эпоса в начальной фазе формирования эпоса правомерно связывать с индоариями [3; 16, с. 213–218; 17, с. 205–217], поскольку присутствие индоариев устанавливается на Северо-Западном Кавказе (на территории современной Адыгеи) с середины III тыс. и этим можно объяснить индоевропейские мотивы в адыгском Нартском эпосе.

Правомерно предположить, что Нартский эпос в своей древнейшей части (включив в себя фрагменты древнегерманского эпоса «Эдда», элементы и сюжеты кельтской мифологии, мотивы русских волшебных сказок, а также индоарийские сюжеты о Сослане, рождённом из камня, индоарийские и древнегреческие о нетрадиционном рождении Батраха и ирано-скифские – о шубе Сослана), уходит корнями к мифологическим сказаниям индоевропейских народов, существовавшим в Центральной Европе уже к началу – середине III тыс. до н. э., послужившим основой и для древнегреческого, и кельтского, и древнегерманского, и славяно-русского героического эпосов.

Индоевропеизмы в картвельских языках

Древнеевропейские, индоарийские и иранские изоглоссы [20] в картвельских языках подтверждают факт миграций населения Центральной Европы на Северный Кавказ [11; 16], что было установлено ранее археологически в форме ареальных контактов на Северном Кавказе древнеевропейских по атрибуции новосвободненской [16] и кубано-терской [16] культур с закавказской ку-

ракской культурой, имеющей картвельскую языковую атрибуцию [16, с. 38, 57; 17, с. 258–266]. Эти контакты отразились в нартских мотивах в мифологии картвелязычных племён Закавказья [4].

В работе Г. А. Климова выделены 3 уровня заимствований из индоевропейских языков. «Рассматриваются 15 параллелизмов, претендующих на общекартвельский характер [11, с. 40–84, 243], т. е. датированных III тыс. до н. э.; 40 параллелизмов грузинско-занского хронологического уровня [11, с. 84–164, 243–244], т. е. от XX в. до конца XIII в. до н. э.; 40 параллелизмов более позднего, но всё ещё «доисторического» уровня, т. е. до появления армян, греков, персов» [11, с. 164–205]. Проведённое исследователем сравнение реконструированных картвельских архетипов с праиндоевропейским или с индоевропейским диалектным архетипом, позволяет считать, что наиболее контактными с картвельским были, с одной стороны, языки «древнеевропейского» ареала (балтийские, славянские, германские, итальянские, кельтские), а с другой – греческие, индоиранические и индоарийские языки, которые также имели ареальные контакты в определённый период времени с «древнеевропейскими» в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (XXV–XX вв. до н. э.) [16, с. 217, 219; 17, с. 258 сл.].

Анализ грузинско-занского фонда индоевропеизмов показывает, что 12 из 40 лексем (33%) имеют продолжение (лексические континуанты, по Г. А. Климову) только в языках «древнеевропейского» ареала, по Г. Крае [1, с. 127–128].

Эти лингвистические данные позволяют подтвердить появление древнеевропейцев на Северном Кавказе не позднее конца III тыс. до н. э., а следовательно, и датировку этим временем появления начального ядра Нартского эпоса на Кавказе. Предположительно соответствующая носителям ИЕ языков «древнеевропейского» ареала (кельто-итальянских, германских и балто-славянских диалектов)

¹ В I тыс. до н. э. индоарии на территории Прикубанья известны под именем ‘меоты’, а также как синды и дандарии. Адыги, занимая позднее территорию меотов в Прикубанье, включили в свой состав проживавших там меотов [4]. Индоарийская атрибуция [19] меотов определяет индоарийские корни древнейшей части Нартского эпоса адыгов, отчасти потомков меотов. О происхождении адыгов от меотов пишут и нартведы, и кавказоведы [4].

культурно-историческая общность КВК, КША и КШК сохранялась в Европе также до конца III тыс. до н. э. [17, с. 133 сл.; 22].

Картвелио-индоарийские связи

Однако индоевропеизмы в картвельских языках имеют своим источником не только древнеевропейские языки, но и индоиранский, индоарийский, раннепраиранский [11].

Лексический фонд индоевропеизмов пракартвельского уровня насчитывает 14 лексем [11]. «В двух случаях можно усмотреть определённую близость картвельских форм, тяготеющих к индоарийскому источнику». Речь идёт о глагольной основе **lag-* – «сажать, прикреплять»; **usx-* – «бык жертвенный, подросший бычок»; «ярмо, иго». Грузинско-занская «упряжка быков» имеет параллели в др.-инд. «пара» [11, с. 40–48]. Лексический фонд индоевропеизмов грузинско-занского уровня II тыс. до н. э. насчитывает 40 единиц, из которых 5 относятся к заимствованиям из индоарийского, и это при том, что Г. А. Климов подчёркивает, что «в большинстве случаев конкретный источник фигурирующего материала не определим» [11, с. 92]. К этим 6 индоевропеизмам/индоиранизмам относятся: **band-* – «сплетать, связывать», **gwal-* – «стоять (о жаре)», **guda-* – «бурдюк, сумма»; **xal-* – «срываться с места», **prut-* – «фыркать (о лошади)», **tep-* – «греться, быть тёплым» [11, с. 93, 95, 105, 135, 139, 144]. Лексема **uers-* («мужчина, самец, баран») также тяготеет к индоиранскому.

Интересно и то, что слова «ярмо», «жертвенный бык» заимствованы из индоарийского в финно-угорские языки (волж.-перм.) и в тохарский В, а слово «пыль» встречен в грузинско-занском и тохарском А и В, что свидетельствует о древности картвело-индоевропейских контактов, об индоариях как посредниках между тохарами и картвелами и небольшом промежутке времени между древнейшими арио-уральскими контак-

тами и картвело-арийскими контактами, поскольку во всех заимствованиях наблюдается полное типологическое сходство. Что касается характера заимствований, то все они касаются скотоводческой терминологии, возможного использования парной запряжки быков в качестве тягловой силы или для распашки земли. Иранизмы типа «стоять (о жаре, засухе)», возможно, приоткрывают завесу над причиной миграции индоариев.

В целом анализ данных Г. А. Климова показывает, что почти половина индоевропеизмов в картвельских языках появилась за счёт контактов картвелов с древнеевропейцами на Северном Кавказе, что подтверждается контактами куро-аракской культуры с кубано-терской культурой в раскопанном Н. А. Николаевой и В. А. Сафоновым могильнике Дзуарику в Северной Осетии [16, с. 439–489] и нартскими мифологемами в фольклоре сванов и других этносов Закавказья, основной территории куро-аракской культуры [4].

Индоевропеизмы в картвельских языках являются доказательством присутствия на Кавказе разных групп индоевропейцев, в т. ч. индоариев и праиранцев в конце III–II тыс., носителей сохранившихся до нашего времени сказаний о Нартах. Языковый ИЕ источник и степень заимствования в картвельские языки из индоевропейского указывают на дезинтегрированное состояние ИЕ мигрантов, достигших Северного Кавказа, что обусловило развитие нескольких версий Нартского эпоса.

Древнеевропеизмы в осетинском языке

Древнеевропеизмы в осетинском языке (установленные и названные В. И. Абасовым «скифо-европейскими изогlossenами») [1] являются столь же важным, как и индоевропеизмы в картвельских языках, доказательством присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев», среди которых были и предки славян.

В. И. Абаев подчёркивает обособленное положение осетинского языка в иранской группе индоевропейских языков и считает, что осетинский язык противостоит всем индоиранским языкам и, по ряду признаков лексических, фонетических, грамматических, порывает с другими иранскими языками и смыкается с европейскими языками – германскими, балтскими, италийскими, кельтскими, славянскими. Это выражается более чем в 40 лексических, 3 фонетических и 2 грамматических изоглоссах [1, с. 3–4]. Эти лингвистические факты, как и археологические, свидетельствуют об уникальном вкладе в культуру и этнос осетин «древнеевропейского» населения, отсутствующего в составе других ираноязычных этносов, что определяет дату древнейшего ядра эпоса от конца III тыс., когда уже распалась индоиранская общность и до XIII в. до н. э., когда распалась и праиранская общность [17].

Объяснить эту ситуацию можно только гипотезой о присутствии в составе осетин индоевропейского субстрата, но более древнего, чем иранцы (скифы, сарматы, аланы) I тыс. до н. э. на Северном Кавказе¹. Если устанавливается древнеевропейская этимология 40 слов осетинского словаря, то следует сделать вывод, что они принадлежат группе неираноязычного населения, попавшего на Кавказ в результате миграции из Древней Европы и дожившего до появления в начале I тыс. н. э. алан, предков осетин, пришедших на Кавказ из Средней Азии. Допускать про-

никновение в аланский и потом в осетинский языки каких-то заимствований из всех индоевропейских языков Европы в алансскую и даже скифо-сарматскую эпоху, как это делает В. И. Абаев², нет оснований, поскольку нет причин заимствовать такую лексику, тем более так поздно, как в алансскую эпоху. Сам факт существования осетино-европейских параллелей и отсутствие этих сходств в других иранских языках говорит о европейской составляющей в осетинском языке, которая либо исчезла в других иранских языках (в отсутствии питательной среды в течение длительного отрезка времени), либо никогда и не существовала в них. Речь идёт о «некавказском» субстрате в осетинском языке, отсутствующем в других иранских языках, а следовательно, и о носителях этого субстрата как хранителях Нартского эпоса.

По мнению В. И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов» [1, с. 4]. По нашему мнению, это хорошо соответствует значительному числу мифологем, схожих с сюжетами и персонажами русских волшебных сказок.

Заключение

Присутствие древнеевропейских и индоарийских мифологем в Нартском эпосе, соответствующая данным археологии о миграциях индоевропейцев из Центральной Европы на Кавказ в III–II тыс. до н. э., а также данным сравнительно-исторического индоевропейского языкоznания и

¹ Нуждается в корректировке точка зрения исследователей, что создателями Нартского эпоса являются ираноязычные осетины, от которых эпос был воспринят соседним населением, говорившим на севернокавказских языках. Осетин как этнической единицы не было в то время, когда создавались сюжеты, общие для древнегерманской, кельтской, праславянской, балтской мифологии, поэтому осетины не могут быть творцами *всего* эпоса. Создателями и хранителями древнейшего ядра эпоса стали древнеевропейцы и индоарии [5; 6; 14] задолго до появления осетин как этноса, но их потомки вошли в состав осетинского народа, смешавшись с иранцами сармато-аланской эпохи.

² «Скифская группа языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности далеко продвинута в Европу и много веков соседила с европейскими, особенно с восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и юг и утратили всякий контакт с Европой» [1, с. 4].

ареальной картвелистики, делает правомерным вывод, что начальное ядро эпоса о Нартах зародилось и сложилось в процессе распада прайндоевропейской общности уже в виде 2 версий эпоса, еще в области совместного обитания древнеевропейцев и индоиранцев в Центральной Европе в первой половине III тыс. до н. э. Эпос сохранился на Западном и Центральном Северном Кавказе в облике адыгской и осетинской версий благодаря значительному числу осевших на Кавказе носителей начального ядра эпоса, т. е. индоевропейцев (древневропейцев и индоариев) в III тыс. до н. э.

Влияние мировоззрения и фольклора автохтонного населения, говорящего на языках северокавказской семьи, обу-

словило черты отличия адыгской и осетинской версий Нартского эпоса друг от друга и сильнее проявлялось в окраинных версиях по мере удаления от центра Северного Кавказа, оставаясь менее заметным в осетинской версии Нартского эпоса.

Нартский эпос мы считаем историческим источником при условии, что «историзм» начального ядра Нартского эпоса в контексте статьи понимается как соответствие историческому событию – миграции индоариев и древнеевропейцев из Центральной Европы на Кавказ с конца III – до середины II тыс. до н. э., реконструируемой по данным археологии и лингвистики.

Дата поступления в редакцию 06.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965. 165 с.
2. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды. Т. 1. Владикавказ: Ир, 1990. С. 142–242.
3. Абаева З. Е. Этюды по Нартовскому эпосу. Цхинвали: Ирыстон, 1978. 177 с.
4. Гаглоити Ю. С. Некоторые вопросы историографии Нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 205 с.
5. Дзиццойти Ю. А., Фалилеев А. И. Осет. *түг/тигә* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции // Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 57–74.
6. Дзиццойти Ю. А. К истории лабиальных фонем в осетинском языке // Indo-European Linguistics and Classical Philology. 2023. Vol. 27. С. 354–367.
7. Дувакин Е. Н. Кельто-кавказские фольклорные параллели и возможные сценарии их происхождения // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. Т. 23. С. 295–307.
8. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / пер. с фр. А. З. Алмазовой. М.: Наука, 1990. 227 с.
9. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / под ред. В. И. Абаева. Владикавказ. СОИГСИ, 2001. 278 с.
10. Иваненко А. В. Этнонимия циркумпонтийского региона или несколько слов о гомеровской Киммерии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 465–504.
11. Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.
12. Козаев П. К. Нартовский эпос как исторический источник // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / отв. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 55–87.
13. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.
14. Лебедев А. В. Индоарийские имена в саге об Аргонавтах, ономастике Колхиды и надписях Северного Причерноморья // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. Т. 25 (1). С. 729–782.
15. Миллер В. Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты и исследования. М.: Наука, 2008. 998 с.
16. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 556 с.

17. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1989. 402 с.
18. Туаллагов А. А. Меч и фандыр. Владикавказ: Ир, 2021. 270 с.
19. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 319 с.
20. Фалилеев А. И. Celto-Iranica. I. К вопросу об изоглоссах и параллелях в морфологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 1149–1164.
21. Dudziak A., Payunena M. Indo-European anthropological and cultural sources of the Ossetian heroic epic as an example of nomadism of ideas and values (problem statement) // Przegląd wschodnioeuropejski. 2019. Vol. 1. P. 289–304.
22. Szmyt M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae // The Baden Complex and the Outside World / M. Furholt, M. Szmyt, eds. Bonn, 2008. P. 217–233.

REFERENCES

1. Abaev V. I. *Skifo-yevropeyskiye izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 165 p.
2. Abaev V. I. [Ossetian Nart epic]. In: Abaev V. I. *Izbrannyye trudy. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, pp. 142–242.
3. Abaeva Z. E. *Etyudy po Nartovskomu eposu* [Sketches based on the Nart epic]. Tskhinvali, Iryston Publ., 1978. 177 p.
4. Gagloti Yu. S. *Nekotoryye voprosy istoriografii Nartskogo eposa* [Some questions of the historiography of the Nart epic]. Tskhinval, Iryston Publ., 1977. 205 p.
5. Dzitstsoity Yu. A., Falileyev A. I. [Ossetian myg/mugæ ‘sperm’ and some aspects of Common Iranian and Indo-European reconstruction]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk: Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Series in literature and Language], 2022, vol. 81, no. 5, pp. 57–74.
6. Dzitstsoity Yu. A. [On the history of labial phonemes in the Ossetian language]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2023, vol. 27, pp. 354–367.
7. Duvakin E. N. [Folklore parallels between Celtic and Caucasian traditions: the Eurasian context and possible scenarios of the origin]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 2019, vol. 23, pp. 295–307.
8. Dumezille J. *Skifa et nartha* (Rus. ed.: Almazova A. Z., tratsl. *Skify i narty*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 227 p.)
9. Dumezille J. *Ossetinsky épopée et mythologie* (Rus. ed.: Abaev V. I., ed. *Osetinskiy epos i mifologiya*. Vladikavkaz, SOIGISHI Publ., 2001. 278 p.)
10. Ivanenko A. V. [The ethnonymy of the Circumpontic region, or a few words about Homeric Cimmeria]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and Classical Philology], 2022, vol. 26, pp. 465–504.
11. Klimov G. A. *Drevneyshiye indoyevreizmy kartvelskikh yazykov* [The most ancient Indo-Europeanisms of the Kartvelian languages]. Moscow, Heritage Publ., 1994. 249 p.
12. Kozaev P. K. [The Nart epic as a historical source]. In: Turgiev T. B., ed. *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Kavkaza* [Problems of the chronology of archaeological monuments of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1985, pp. 55–87.
13. Kuznetsov V. A. *Nartskiy epos i nekotoryye voprosy istorii osetinskogo naroda* [Nart epic and some questions of the history of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1980. 136 p.
14. Lebedev A. V. [Indo-Aryan names in the saga of Argonauts, onomastics of Colchis and Greek inscriptions of the Northern Black Sea region]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2021, vol. 25, pp. 729–782.
15. Miller V. F. *Folklor narodov Severnogo Kavkaza. Teksty i issledovaniya* [Folklore of the peoples of the North Caucasus. Texts and research]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 998 p.
16. Nikolaeva N. A. *Etnokulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze v III-II tys. do n. e. v drevney drevney istorii Yevropy i Blizhnego Vostoka* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd–2nd millennium BCE in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow MGOU Publ., 2011. 556 p.

17. Safronov V. A. *Indoyevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestral homelands]. Gorky, Volgo-Vyatskoye knizhn. izd-vo Publ., 1989. 402 p.
18. Tuallagov A. A. *Mech i fandyr* [Sword and fandyr]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2021. 270 p.
19. Trubachev O. N. *Indoarika v Severnom Prichernomorye* [Indoarica in the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 319 p.
20. Falileyev A. I. [Celt-Iranica. I. Isoglosses and morphological parallels, revisited]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznanije i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2022, vol. 26, pp. 1149–1164.
21. Dudziak A., Payunena M. Indo-European anthropological and cultural sources of the Ossetian heroic epic as an example of nomadism of ideas and values (problem statement). In: *Przegląd wschodnioeuropejski*, 2019, vol. 1, pp. 289–304.
22. Szmyt M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae. In: Furholt M., Szmyt M., Zastawny A., eds. *The Baden Complex and the Outside World*. Bonn, 2008. P. 217–233.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафонов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Faculty of General History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Alexander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафонов А. В. Происхождение и датировка древнейшего ядра Нартского эпоса по данным лингвистики и археологии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 115–126.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. The origin and dating of the initial core of the Nart sagas according to linguistics and archeology. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 115–126.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126